

**ДОН НИГРО**

МАРИНА

Дон Нигро

**Марина**

«Автор»

**Нигро Д.**

Марина / Д. Нигро — «Автор»,

Дон Нигро «Марина/Marina». Предсмертный монолог Марины Цветаевой. 31 августа 1941 г. Елабуга. Перед глазами проходит вся жизнь, переосмысливаются все ключевые и значимые моменты.

# Дон Нигро Марина

*Посвящается Татьяне Кот*

*В пьесе один персонаж, Марина Цветаева, российская поэтесса, сорока восьми лет, которая говорит с нами из Елабуги, российского города, 31 августа 1941 г.*

*Декорацией может быть комната с красным фонарем, синим деревянным креслом-качалкой, в котором сидит кукла, деревянным столом, деревянным стулом. На столе лежат потрепанные карты Таро, на старом сундуке – крепкая веревка. Но декорации может и не быть. Одна Марина в круге света на пустой сцене.*

*Музыка – два этюда Скрябина, Опус 8: номер 11 в си-бемоль минор и номер 12 в ре-диез минор.*

*(Темная сцена, звучит этюд Скрябина номер 12. Свет выхватывает из темноты МАРИНУ. Когда музыка смолкает, она начинает говорить).*

МАРИНА. Трехпрудный переулок, ребенок, укравший абрикосы. Добро пожаловать в Пряничный домик, сказали они. Это не часовня нечаянной радости. Птицы склевали твои хлебные крошки. Обои висят лохмотьями. Гвоздь вбит в брус, к которому привязывают лошадей. И лежит кусок крепкой веревки. У меня встречи в прошлом, на которые я должна прийти.

Но в голове пустоты. Почему я не могу вспомнить твое лицо? Я вижу лишь белое пятно, будто присыпанный мукой мешок. Призраки в медленно падающем снегу. Те, кого жалеют. Те, кого целуют. Нет стены между живыми и мертвыми, между тем, что было, и тем, что есть. Прошлое вокруг нас, мертвые вокруг нас. Мы живем с призраками, призраки реальнее, чем мы.

И французская полиция продолжает задать мне нелепые вопросы, которые я не понимаю. Отравленные шоколадные конфеты? Я ничего не знаю об отравленных шоколадных конфетах.

Я вхожу в пустую церковь. Паства молчит. На картине черные деревья, будто палки. Пушкин ранен на дуэли. Ему помогают улечься в сани. Скоро он умрет. Ветер надувает шторы, словно они беременные. На противоположной стене портрет умершей женщины. Чьей-то матери. Не моей. Я – дитя второй жены. Она играет на рояле в другой комнате.

*(Дальнейший текст сопровождается этюд номер 11 си-бемоль минор, Опус 8, Скрябина, который тихо исполняется на рояле).*

Мой отец не может забыть свою первую жену. Ее дети не могут простить его за женитьбу на моей матери. Моя мать не может простить мужчину, который лишил ее невинности. То, что любовь делает с тобой, ужасно, говорила она. Лучше играй на рояле.

Потом кто-то хватает меня за плечо. Это моя умершая крестная. Берегись своей матери, говорит она. И я осознаю, что меня вот-вот сожрут.

Моя мать думала, что я ненавижу музыку. Но я ненавидела разучивать гаммы. Терпеть не могла, когда меня заставляли играть то, что следовало играть по желанию других людей – маленькие идиотские упражнения, придуманные нелепой посредственной личностью, идеально читающей музыку, но играющей, как труп. Как могло что-то хорошее родиться из

столь механического и глупого? Я хотела чувствовать, когда играю, как чувствовала, слушая Чайковского или Скрябина.

И пытка эта продолжалась беспрестанно, потому что у ребенка нет будущего. Только всегдашнее настоящее. Пытаясь изнасиловать красоту, убивают любовь.

Моей сестре повезло больше: она играла ужасно. Всегда не те ноты, но, к счастью, не очень громко. Моя беда заключалась в том, что у меня получалось достаточно сносно, чтобы у матери теплилась надежда. Но за роялем, как и в жизни, я никак не могла следовать партитуре: всегда лучше играла по наитию.

Бог такое не любит. Бог любит рояль. Я полировала его твердую черную кожу, пока не видела отражающееся от нее лицо незнакомой девочки.

Ребенком я знала старика, который прошептал мне на ухо свой ужасный секрет: Бог избил его брата до смерти огурцом, и в наказание у него отвалился пенис.

По другую сторону двери что-то ждет меня. Я почувствовала это той ночью в яблоневом саду. Кто-то стоял среди яблонь, влекомый моими зелеными глазами.

В свое время я была богиней кустов. Мой учитель влюбился в меня, и его друг, которого он прислал ко мне, чтобы сделать предложение руки и сердца, любил меня, но также и мою сестру. В те дни любовь проявлялась в треугольниках и квадратах. Мы верим, что страсти молодости – это наше все, потом решаем, что они – ничто, а когда они уходят совсем, отчаянно желаем их возвращения.

Я еще напишу стихи о тех влюбленностях, а моя мать их сожжет.

Почему мать сжигает стихи дочери? Потому что инстинктивно знает: слова могут убивать. Но моя жизнь – грубый набросок. Чтобы понять самое простое, я сначала должна выразить это стихами.

Я перестала играть на рояле, когда она умерла.

*(Пауза в музыке, соответствующая паузе в монологе, перед окончанием этюда Скрябина. Потом музыка слышится вновь).*

Но теперь эта музыка проникла в мои стихи. Душа вбирает в себя все и превращает в искусство.

Она не могла понять, что мне хотелось спуститься в черную лагуну рояля и полностью погрузиться в нее. Утонуть в ней.

*(Музыка замолкает).*

И при этом я всегда боялась моря. Море так похоже на любовь. Оно проглатывает тебя, как крокодил – утку. Это не море, сказала я, увидев его впервые. Не может это быть морем. Это совсем не похоже на море. Что они сделали с морем? Море – оно совершенно другое. Все, о чем мы говорим, в жизни всегда не столь значимо, но любовь в твоей голове всегда более реальна, что на самом деле.

Тихий мальчик с огромными глазами, собирающий камешки на берегу. Если поднимет этот, я выйду за него. Мы с тобой поженимся в тот день, когда нас всех утопят.

Всеми моими бессонными ночами я влюблена в тебя. Всеми моими бессонными ночами я вслушиваюсь в темноту, ожидая тебя. Тогда как поутру копошатся могильщики.

Ты теперь умер? Да. Думаю, ты мертв. И за все это время я так и не узнала тебя. Ты сожалеешь о том, что любил меня?

Женитьба, в целом, дело хорошее: все, что ощущает боль, сохраняет невинность. Но это грех, думать, что ты действительно можешь узнать другого человека. Чужая душа – потемки. А пока, когда я кормила во сне кроликов, ты раздавал людям отравленные шоколадные конфеты.

Когда пойдешь на базар, мама, сказала я, принеси мне черта в бутылке. Но ни в коем случае нельзя привязываться к тому, что может разбиться.

Я вновь и вновь раскладываю карты. Игра – совсем не то, во что мы, казалось бы, играем. Мы играем не в карты.

Карты играют нас. Дьявол живет в картах. Дьявол кусает глубоко, как клещ. Дьявол спит на моей груди. Когда я сжимаю нижнюю часть его пениса, он подпрыгивает. Какая плохая девочка – заставлять дьявола подпрыгивать!

Первый признак того, что ты избран Дьяволом – полный отрыв от всех и от всего. Изгой. Всматривайся в зеркало и приглашай его в свою душу, если посмеешь. Но за зеленым венецианским зеркалом, в лабиринте зеркал, отражающих зеркала, единственная твердая валюта – смерть.

Что-то таится в этом месте, странный зверь, который шепчет мне из другой комнаты. Я поднимаюсь по лестнице, колеблюсь, потом вхожу. Если я всматриваюсь в темноту, то с трудом, но могу его разглядеть.

Дьявол сидит на кровати моей сестры. Голый, с серой кожей, как датский дог, с беловато-синими глазами. Гладкий, чисто выбритый, с телом львицы, с маленькими рогами, напоминающими уши, и с длинным хвостом. Я узнаю его по глазам. Холодным. Ясным. Несущим смерть. Он сидит. Я стою. И я люблю его.

Игру быть любимой я не освоила. Если я что-то люблю, то поглощаю. Оно превращается в нечто внутри меня, и это фатально для счастья, как моего, так и любимого. У поэтов особый дар – любить ненадлежащее. Мой способ любить – говорить «прощай».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.